

жение раскола в Поморском крае, за исключением не раз уже изучавшегося Соловецкого восстания.³⁸ Между тем поморский раскол приобретает для нас особый интерес, так как с этим краем многие годы (1664—1666, 1667—1682 гг.) была связана жизнь и литературная деятельность Аввакума.

«Бунтарский» характер раскола в Поморье в изучаемую эпоху выразился в нападении крестьянской раскольничьей общины, организовавшейся в Rogozерской пустыни, на церкви Пудожского погоста³⁹ и в создании раскольниками своеобразных крепостей в деревне Строкинской⁴⁰ и Палеостровском монастыре (при взятии обоих этих крепостей повстанцы после упорной обороны прибегли к самоожжению).⁴¹

Все эти факты свидетельствуют о том, что движение раскола в Поморском крае, так же как и на Дону, в ряде случаев приобретало повстанческий характер, сопротивление раскола царским войскам и администрации, равно как и представителям государственной церкви, было активным и нередко разрасталось до вооруженных столкновений.

Важно отметить, что сами современники указывают на непосредственную связь этого народного движения в Поморском крае с проповедью Аввакума и его соратников.

Будущий митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий постригся в Соловецком монастыре в 1677 г., сразу же после подавления там восстания, и поэтому, несомненно, хорошо знал местную обстановку. Впоследствии, сделавшись видным иерархом церкви и одним из активных борцов против раскола, он в своих посланиях (1696 г.) указал на живую преемственность между восстанием Степана Разина и соловецким восстанием и одновременно на связь последнего с учением Аввакума и его соратника попа Лазаря: «От оных же Аввакумовых и Лазаревых ... учеников прибегоша нецны ... на остров Соловецкий: и тако оную святую обитель ... возмутиша ... К тому же бесновательному их арменоподражательству прибегоша в тую же обитель окаяннаго богоотступника и чародея донскаго казака и атамана Стенки Разина с помощники-воры из Астрахани». ⁴² В другом месте Игнатий вновь подчеркивал, что с соловецкими монахами вместе «собрашася и разбойницы они, иже от богоотступникова дружества в Соловки прибегшии, донския, глаголю, казаки, обитель оную смутивше, затворившася во осаду». ⁴³

Игнатий правильно обратил внимание современников на то, что это объединение усилило политический и противогосударственный характер восстания: «А егда во обитель внидоша (разинцы, — А. Р.), тогда убо ... начаша быти во всем противны не токмо святой церкви хулами, но и благочестиваго царя не восхотевшие себе в государя имети». ⁴⁴ Но царскому

³⁸ И. Я. Сырцов. Возмущение соловецких монахов-старобрядцев в XVII в. Казань, 1880, Н. А. Барсуков. Соловецкое восстание 1668—1676 гг. Петрозаводск, 1954.

³⁹ АИ, т. V, стр. 378, 388—389, 392.

⁴⁰ Там же, стр. 383, 388—389, 391.

⁴¹ Е. В. Барсов. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае М., 1868, стр. 170—171, ср. стр. 30—35, 141—142; АИ, т. V, стр. 253 и 256; Огразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Сообщил Хр Лопарев. — ПДП, т. 108. СПб., 1895, стр. 30—32 и 71; Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Казань, 1857 (далее: Игнатий Тобольский), стр. 18; Дмитрий Ростовский. Розыск о раскольничьей брынской вере. М., 1745, лл 18—19 об Ср. также: История русской литературы, т II, ч. 2 М—Л, 1948, стр. 340—341.

⁴² Игнатий Тобольский, стр. 138.

⁴³ Там же, стр. 141.

⁴⁴ Там же, стр. 138. Наблюдениям Игнатия придавали большое значение первые историки раскола еще в XVIII в. Так, П. Богданович писал, что «сонм» последовате-